ASTOUNDING

SCIENCE-FICTION

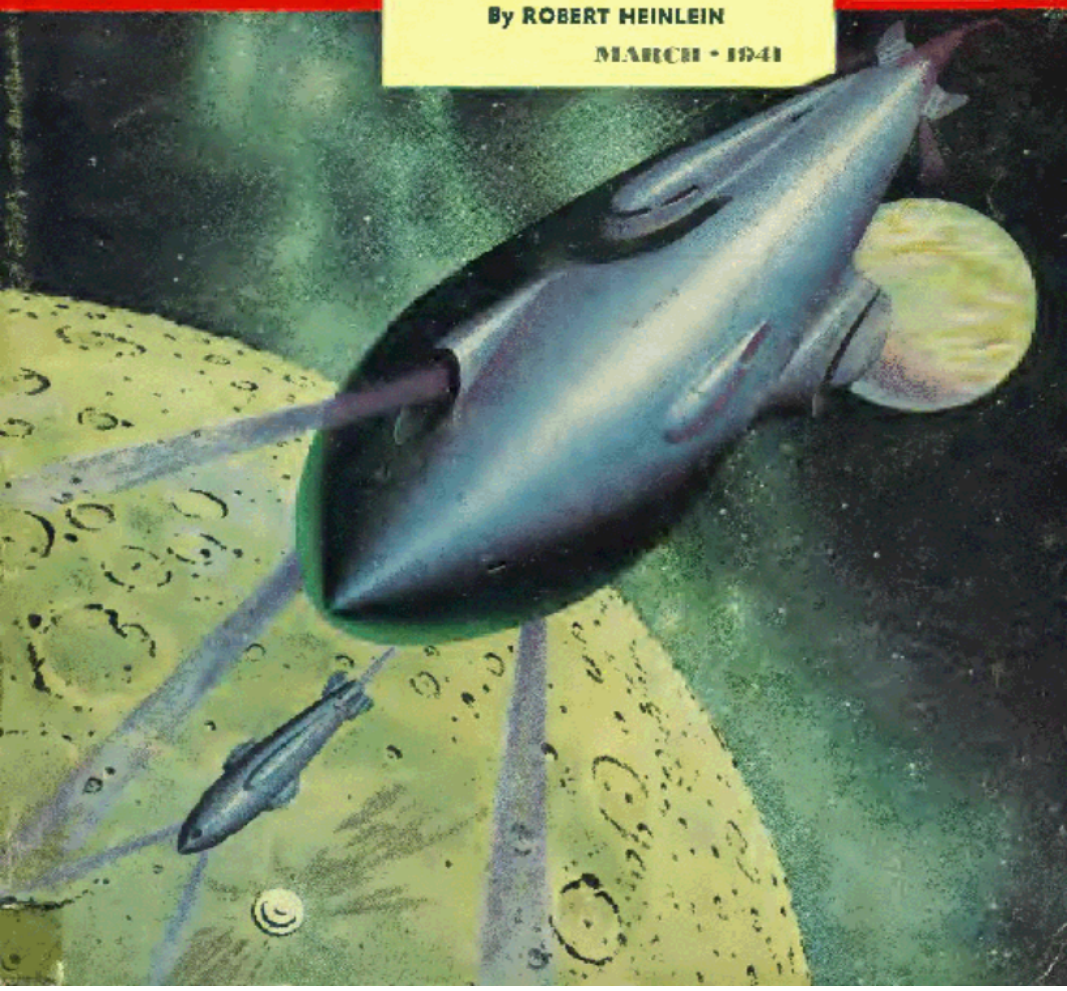
A STREET & SMITH PUBLICATION

20¢

LOGIC OF EMPIRE

By ROBERT HEINLEIN

MARCH • 1941



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Римские Свечи Меркурия не были похожи на фейерверки — они были живыми. Все знали об этом и о том, что они могут создавать миражи. Но ни кто не знал, насколько они реальны…

Иллюстрации Эрона

Этот вариант рассказа, был напечатан в мартовском номере *Astounding since-fiction* за 1941 год. Ранее на русский язык был переведен вариант этого рассказа, который был опубликован в альманахе *Adventures in The Far Future & Tales of Outer Space в 1954 году и назывался "Operation Mercury"*. Это был сокращенный вариант рассказа "Маскарад". По некоторым данным Саймаку пришлось сократить свой рассказ по требованиям объема альманаха. Этот вариант рассказа переведен на русский язык впервые.

•

Старина Крипи был внизу, в рубке управления, и усердно пиликал на своей визжащей скрипке.

На выжженных солнцем равнинах за пределами Меркурианского Энергетического Центра, Римские Свечи, выхватив образы из памяти Крипи, приняли форму земных деревенских жителей и танцевали кадриль.

На кухне Растус катал по столу два кубика, что-то тихонько напевая, чувствуя себя одиноким, потому что никто не захотел сыграть с ним в кости.

В холодильной камере кошка Матильда сердито уставилась на куски замороженной говядины у себя над головой, ей было холодно и она тихо мяукнула, проклиная себя за то, что никогда не могла устоять перед искушением прокрасться внутрь, когда Растус не видит.

Наверху, в офисе, на вершине огромного фотоэлемента, который и был Центром, Курт Крейг сердито смотрел через стол на Нормана Пейджа.

В сотне миль отсюда Кнут Андерсон, облаченный в громоздкий скафандр с фотоэлементами, недоверчиво уставился на то, что он увидел внутри искривленного пространства.

Коммуникатор предупреждающе зарычал, и Крейг развернулся в кресле, снял трубку с рычага и нажал на кнопку вызова.

— Это Кнут, шеф, — произнес голос, сильно искаженный излучением.

— Да, — прокричал Крейг. — Что ты нашел?

— Что-то большое, — произнес голос Кнута.

— Где?

— Я сообщу вам местоположение.

Крейг схватил карандаш и начал быстро писать, пока голос с шипением и треском сообщал координаты.

— Больше, чем когда-либо было зафиксировано, — пронзительно кричал голос Кнута. — Пространство разверзлось и превратилось в ад. Приборы сошли с ума.

— Нам придется установить на него трейсер, — напряженно сказал Крейг. — Потребуется много энергии, но мы должны это сделать. Если эта штука начнет двигаться…

Голос Кнута срывался, расплывался и шипел, так что Крейг не мог расслышать ни слова из того, что он говорил.

— Возвращайся немедленно. — Закричал Крейг. — Там опасно. Подойдешь слишком близко к этой штуке, качнется в твою сторону, и ты…

Голос Кнута прервался, сорвавшись на вопль искаженного луча.

— Есть еще кое-что, шеф. Кое-что забавное. Чертовски забавное…

Голос прервался.

Крейг закричал в микрофон. “Что случилось, Кнут?" Что забавное?”

Он остановился, пораженный, потому что внезапно треск, шипение и свист коммуникационного луча прекратились.

Его левая рука метнулась к пульту и щелкнула тумблером. Пульт загудел, когда в канал связи хлынула огромная энергия. Требовалась энергия, много энергии, чтобы поддерживать четкость коммуникационного луча на Меркурии. Но ответного гудения не было — никаких признаков того, что луч восстанавливается.

Что-то там произошло! Что-то помешало лучу.

Крейг побледнел, встал и посмотрел через иллюминатор на покрытые пеплом равнины. Волноваться было не из-за чего. Во

всяком случае, пока. Подождем возвращения Кнута. Он сказал Кнуту отправляться в путь немедленно. На джампере это не займет много времени.

Но что, если Кнут не вернется? Что, если искривление пространства сместилось?

«Самое крупное за все время», — сказал Кнут. Конечно, их всегда было много, за ними нужно было присматривать, но очень немногие были настолько велики, что о них стоило по-настоящему беспокоиться. Маленькие водовороты и завихрения, в которых пространственно-временной континуум колебался, не зная, в какую сторону ему следует прыгнуть.

Это не опасно, просто доставляет беспокойство. Просто надо было быть осторожнее, чтобы не попасть в него на джампере. Но большой вихрь… если он начнет двигаться, может поглотить…

Снаружи Свечи поднимали пыль, шаркая ногами, подпрыгивая и размахивая руками. В этот момент они были горцами, вернувшимися на холмы Земли. Но было в них что-то гротескное — как в огородных пугалах, танцующих под музыку.

Равнины Меркурия простирались почти до самого горизонта, покрытые горькой пылью. Солнце было чудовищным, ярко-голубым пламенем на чернильно-черном небе, алые ленты протуберанцев извивались, как змеиные щупальца.

Меркурий находился ближе всех планет к Солнцу — всего в двадцати девяти миллионах миль от него, и это, вероятно, объясняло появление этих искривлений пространства. Близость к Солнцу и эпидемия солнечных пятен. Хотя солнечные пятна, возможно, не имели к этому никакого отношения. Никто не знал.

Крейг вспомнил о Пейдже, только когда тот кашлянул, а затем отвернулся от иллюминатора и вернулся к столу.

— Я надеюсь, — сказал Пейдж, — что вы передумали. Этот мой проект много значит для меня.

Крейга внезапно охватил гнев из-за настойчивости этого человека.

— Я уже однажды дал вам свой ответ, — отрезал он. — Этого достаточно. Когда я что-то говорю, я говорю серьезно.

— Я не вижу причин отказывать, — решительно заявил Пейдж. — В конце концов, эти Свечи…

— Вы не делаете никаких выводов, — сказал Крейг. — Ваша идея — самая безумная, с разных точек зрения, из всех, что я когда-либо слышал.

— Я не могу понять вашу странную позицию, — возразил Пейдж. — В Вашингтоне меня заверили…

Крейг вспыхнул от гнева. — Мне наплевать на то, в чем

Вашингтон заверил вас. Вы вернетесь на Землю, как только прибудет кислородный корабль. И вы вернетесь без Свечи.

— В этом нет ни чего опасного. И я готов хорошо заплатить за любые услуги, которые вы…

Крейг проигнорировал намек на взятку и ткнул карандашом в Пейджа.

— Позвольте мне объяснить вам это еще раз, — сказал он. — Очень вдумчиво и подробно, чтобы вы поняли. Свечи родом с Меркурия. Они были здесь первыми. Они были здесь, когда пришли люди, и, вероятно, будут здесь еще долго после того, как люди уйдут. Они позволили нам существовать, а мы позволили им существовать. И мы оставили их в покое только по одной причине — по одной чертовски веской причине. Понимаете, мы не знаем, что они могут натворить, если мы их разозлим. Мы боимся того, что они могут натворить.

Пейдж открыл рот, чтобы что-то сказать, но Крейг жестом велел ему молчать и продолжил.

— Это организмы, состоящие из чистой энергии. Существа, которые черпают свою жизненную энергию непосредственно от Солнца — так же, как это делаем мы с вами. Только мы получаем ее окольным путем. А они это делают намного эффективнее, чем мы, поскольку они поглощают свою энергию напрямую, в то время как мы получаем ее химическим путем.

— И как я уже говорил — это, это все, что я могу сказать. Потому что это все, что мы знаем о них. Мы наблюдаем за этими Свечами уже пятьсот лет, но они все еще остаются для нас чужими.

— Вы думаете, они разумны? — спросил Пейдж, и в вопросе прозвучала насмешка.

— Почему бы и нет? — прорычал Крейг. — Вы думаете, что это не так, потому что люди не могут с ними общаться. Просто потому, что они не лезут из кожи вон, чтобы поговорить с людьми. То, что они не говорят, не означает, что они неразумны. Возможно, они не общаются с нами, потому что их мысли и рассуждения не имеют общей основы для разумного общения с человечеством. Возможно, это потому, что они считают людей низшей расой — расой, на которую им даже не стоит тратить свое время.

— Вы с ума сошли, — закричал Пейдж. — Они наблюдали за нами все эти годы. Они видели, на что мы способны. Они видели наши космические корабли, они видели, как мы строим эту станцию, они видели, как мы передаем энергию на миллионы миль к другим планетам.

— Конечно, — согласился Крейг, — они все это видели. Но произведет ли это на них впечатление? Вы уверены, что произведет? Человек, великий архитектор! Вы бы надорвали живот от смеха, если бы кто-то пытался поговорить с пауком, или с иволгой, или с осой? Клянусь своей жизнью, сами вы бы не стали этого делать. И они — великие архитекторы, каждый из них.

Пейдж сердито подпрыгнул на стуле. — Если они превосходят нас, — прорычал он, — то чего же они добились? Где их города, их машины, их цивилизация?

— Возможно, — предположил Крейг, — они пережили машины и города тысячелетия назад. Возможно, они достигли такой стадии цивилизации, когда им не нужны механические приспособления.

Он постучал карандашом по столу.

— Подумайте вот о чем. Эти свечи бессмертны. Так и должно быть. Их нечем убить. У них, по-видимому, нет тел — они только сгустки энергии. Это их реакция на окружающую среду. И у вас хватает наглости думать о том, чтобы поймать кого-нибудь из них! Вы, ничего о них не зная, планируете доставить их на Землю, чтобы использовать в качестве циркового аттракциона, в качестве диковинки — чего-нибудь такого, на что могли бы поглазеть праздные зеваки!

— Люди приезжают сюда, чтобы увидеть их, — возразил Пейдж. — Их много. Туристические бюро используют их в своей рекламе.

— Это другое дело, — прорычал Крейг. — Если Свечи хотят устроить шоу у себя дома, мы ничего не можем с этим поделать. Но вы не можете утащить их отсюда и выставить на ярмарке. Это чревато неприятностями, и немалыми!

— Но если они такие чертовски умные, — взвизгнул Пейдж, — зачем они вообще устраивают эти шоу? Просто стоит подумать о чем-нибудь, и вуаля! — вот оно. Величайшие имитаторы в Солнечной системе. И у них никогда нормально ничего не получается. Это всегда выглядит нелепо. В этом-то и прелесть.

— Это нелепо, — отрезал Крейг, — потому что человеческий мозг никогда не создает идеальную картинку. Свечи формируют образы в соответствии с возникающими мыслями. Когда вы думаете о чем-то, вы не описываете все детали — ваши мысли отрывочны. Вы не можете винить в этом Свечи. Они берут то, что вы им даете, и дополняют остальное, как могут. Отсюда верблюды с развевающимися гривами, верблюды с четырьмя и пятью горбами, верблюды с рогами, бесконечное шествие

взбалмошных верблюдов, если вы думаете про верблюдов.

Он сердито отбросил карандаш.

— И не обманывайте себя тем, что Свечи делают это, чтобы нас развлечь. Скорее всего, они считают, что мы придумываем все эти замечательные идеи только для того, чтобы доставить им удовольствие. Они наслаждаются своей жизнью. Вероятно, это единственная причина, по которой они терпят нас здесь, — потому что у нас такие забавные мысли.

— Когда Человек впервые пришел сюда, это были просто красивые разноцветные шарики, катающиеся по поверхности, и кто-то назвал их Римскими Свечами, потому что так они тогда выглядели. Но с того дня они стали всем, о чем только мог подумать человек.

Пейдж с трудом поднялся со стула.

— Я доложу о вашем отношении к этому в Вашингтон, капитан Крейг.

— Доложите и будьте прокляты, — прорычал Крейг. — Может быть, вы забыли, где находитесь. Вы не на Земле, где взятками, лизанием сапог и действуя нахрапом можно получить практически все, что угодно. Вы находитесь в энергетическом центре Солнечной стороны Меркурия. Это главный источник энергии для всех планет. Если эта станция выйдет из строя, то оборвутся передающие лучи, и Солнечная система полетит к чертям собачьим!

Он стукнул кулаком по столу для пущей убедительности.

— Я здесь главный, и если я что-то говорю, это касается, как вас, так и любого другого. Моя обязанность — поддерживать работу этой станции по обеспечению электроэнергией планеты Солнечной системы. И я не позволю какому-то недоделанному придурку приходить сюда и доставлять мне неприятности. Пока я здесь, никто не дотронется до Свечей. У нас и без этого полно проблем.

Пейдж направился к двери, но Крейг остановил его.

— Просто хочу вас предупредить, — сказал он тихим голосом. — На вашем месте я бы не пытался тайком взять джампер, включая ваш собственный. После каждой поездки кислородный баллон вынимается и вставляется в зарядное устройство, чтобы он был полный для следующей поездки. Зарядное устройство заперто, и есть только один ключ. И он у меня.

Он посмотрел в глаза человеку у двери и продолжил.

— В джампере, конечно, остается немного кислорода. Может быть, на полчаса. А может, и меньше. После этого времени кислород кончится. Неприятно вот так вляпаться. Мы однажды

нашли парня, с которым это случилось всего день назад или около того, неподалеку от одной из станций Сумеречного Пояса.

Но Пейдж уже ушел, хлопнув дверью.

Свечи перестали плясать и закружились, пуская пузыри всевозможных оттенков. Время от времени кто-нибудь пытался сформировать какой-нибудь предмет, но попытка оказывалась неудачной, и Свеча снова возвращалась в свое естественное состояние.

"Должно быть, старина Крипи убрал свою скрипку", — подумал Крейг. Вероятно, он совершал инспекционный обход, проверяя, все ли в порядке. Хотя вероятность того, что что-то может пойти не так, была невелика. Установка была автоматической и рассчитана на работу с минимальным участием человека.

Диспетчерская была полна щелкающих, тикающих, попискивающих устройств, которые поддерживали подачу энергии на подстанции Сумеречного Пояса. Устройства, которые удерживали плотные лучи от подстанций, сосредоточенные точно в тех точках пространства, куда каждый из них должен был попасть, чтобы быть подхваченным подстанциями, вращающимися вокруг внешних планет.

Если одно из этих устройств выйдет из строя, если луч, направленный в космос, отклонится хотя бы на долю градуса, Курт содрогнулся при мысли о том, что луч чудовищной мощности ударит по планете, а возможно, и прямо по городу. Но механизм никогда не подводил и никогда не подведет. Он был надежен. Как это было давно, когда завод на Меркурии загружал чудовищные партии конвертеров энергии для отправки во внешние миры на неуклюжих космических кораблях.

Это была по-настоящему бесплатная энергия, простая в использовании, доступная в избытке. Энергия передавалась на миллионы миль по принципу узкого луча Эддисона. Бесплатная энергия для развития ферм на Венере, рудников на Марсе, химических заводов и холодильных лабораторий на Плутоне.

Там, внизу, в рубке управления, были и другие устройства, не менее важные. Например, атмосферный аппарат, который поддерживал правильную воздушную смесь, используя баллоны с жидким кислородом, азотом и другими газами, доставляемыми с Венеры ежемесячно кислородным кораблем. Холодильная установка, гравитационная машина, водяной агрегат.

Крейг услышал звук шагов Крипи на лестнице и повернулся к двери, когда старик, шаркая, вошел в комнату.

Брови Крипи были нахмурены, а лицо напоминало грозовую

тучу.

— Что случилось на этот раз? — спросил Крейг.

— Ей-богу, — рявкнул Крипи, — ты должен что-то сделать с этим Растусом.

Крейг ухмыльнулся. — Что случилось на этот раз?

— Он украл мою последнюю бутылку, — завопил Крипи. — Я хранил ее для медицинских целей, а теперь она пропала. Он единственный, кто мог ее взять.

— Я поговорю с Растусом, — пообещал Крейг.

— Когда-нибудь, — пригрозил Крипи, — я выйду из себя и выбью дурь из его прокуренной башки. Это уже пятая бутылка спиртного, которую он у меня стащил.

Старик печально покачал головой и пошевелил своими моржовыми усами.

— Если не считать Растуса, как идут дела? — спросил Крейг.

— Земля только что обогнула Солнце, — сказал старик. — Станция на Венере приняла дополнительную нагрузку.

Крейг кивнул. Это было обычным делом. Когда планета была по другую сторону от Солнца и была отрезана от Меркурия, подстанции ближайшей планеты принимали на себя дополнительную нагрузку, перенаправив часть энергии на станции затененной планеты, и продолжали работать, до тех пор, пока она не появлялась из-за Солнца.

Он встал с кресла и подошел к иллюминатору, глядя на пыльные равнины. Над горизонтом двигалась точка. Быстрая точка, казалось, перепрыгивающая через мертвую серую пустошь.

— Кнут едет! — крикнул он Крипи.

Крипи заковылял к дверному проему. — Я спущусь, чтобы встретить его. Как только он придет, мы с Кнутом сыграем в шашки.

Крейг рассмеялся, обрадованный появлением Кнута.

— Сколько партий в шашки вы уже сыграли? — спросил он.

— Сотни, — гордо заявил Крипи. — Ему ли со мной тягаться, однако он уверен, что он такой крутой. Я позволяю ему регулярно обыгрывать меня, чтобы поддерживать интерес. Боюсь, он бросит игру, если я буду обыгрывать его все время.

Он направился к двери, но затем обернулся. — Но теперь моя очередь выигрывать. Усмехнулся старик в усы. — Я собираюсь задать ему хорошую взбучку.

— Сначала, — сказал Крейг, — скажи ему, что я хочу его видеть.

— Конечно, — сказал Крипи, — и не вздумай рассказывать ему о том, что я поддаюсь ему. Это его разозлит.

Крейг пытался уснуть, но не мог. Он был встревожен. Ничего определенного, потому что причин для беспокойства, казалось, не было. Трейсер, установленный на большом искривлении, показал, что оно медленно перемещается, примерно на несколько футов в час, удаляясь от станции. Других крупных объектов на детекторах обнаружено не было. На данный момент все, казалось, было под контролем. Только мелочи. Туманные образы и объекты — обрывки мыслей то тут, то там, которые не складывались в определенную картину.

Например, Кнут. С Кнутом, конечно, все было в порядке, но, разговаривая с ним, он что-то почувствовал. Неприятное чувство, от которого волосы у него на затылке встали дыбом, а по спине побежали мурашки. Но ничего конкретного, на что можно было бы обратить внимание.

Пейдж тоже. Этот чертов дурак, вероятно, попытался бы улизнуть и захватить Свечу, и тогда ему пришлось бы здорово поплатиться.

Интересно то, что рации Кнута, как в его костюме, так и в джампере, отключились. Как будто по ним ударило разрядом энергии. Кнут не мог этого объяснить, да и не пытался. Только пожал плечами. На Меркурии часто происходили необъяснимые вещи.

Крейг оставил попытки уснуть, сунул ноги в шлепанцы и прошел через комнату к иллюминатору. Взмахом руки он поднял шторку и выглянул наружу.

Вокруг катались Свечи. Внезапно одна из них материализовалась в чудовищную бутылку из-под виски. Она поднялась в воздух, наклонилась, и жидкость полилась на землю.

Крейг усмехнулся. Это либо старина Крипи, оплакивал потерю последней бутылки, либо Растус, крадется туда, где он ее спрятал, чтобы сделать еще глоток.

Раздался тихий стук в дверь, и Крейг обернулся. На какой-то момент он напрягся и пригнулся, прислушиваясь, словно ожидая нападения. Затем тихо рассмеялся про себя. Он был на взводе, и его было не обмануть. Возможно, ему просто нужно было выпить.

Снова стук, более настойчивый, но все еще осторожный.

— Войдите, — сказал Крейг.

В комнату бочком вошел старина Криппи. — Я надеялся, что вы не спите, — сказал он.

— В чем дело, Крипи? И, едва он заговорил, Крейг почувствовал, что снова напрягается. "Нервы стали у меня ни к черту" — подумал он.

Крипи подался вперед.

— Кнут, — прошептал он. — Кнут обыграл меня в шашки.

Шесть раз подряд! У меня не было ни единого шанса!

По комнате разнесся смех Крейга.

— Но раньше я всегда мог обыграть его, — настаивал старик. — Я даже позволял ему обыгрывать меня время от времени, чтобы заинтересовать его и заставить поиграть со мной. И сегодня вечером я был готов обчистить его…

Лицо Крипи исказилось, усы задрожали.

— И это еще не все, ей-богу. Я каким-то образом почувствовал, что Кнут изменился и…

Крейг подошел к старику вплотную и схватил его за плечо. — Я знаю, — сказал он. — Я понимаю, что ты чувствовал. Он снова вспомнил, как волосы зашевелились у него на голове, когда он совсем недавно разговаривал с Кнутом.

Крипи кивнул, моргая бледными глазами и судорожно сглотнув.

Крейг развернулся на каблуках, схватил свою рубашку и начал стаскивать с себя пижамную куртку.

— Крипи, — прохрипел он, — спускайся в диспетчерскую. Возьми пистолет и запрись там. Оставайся там, пока я не вернусь. И не позволяй никому входить!

Он пристально посмотрел на старика. — Ты понял. Не позволяй никому войти! Используй оружие, если тебя вынудят это сделать. Но смотри, чтобы никто не прикасался к кнопкам управления!

Глаза Крипи округлились, и он еще раз сглотнул. — Будут проблемы? — спросил он дрожащим голосом.

— Я не знаю, — огрызнулся Крейг, — но я собираюсь это выяснить.

Внизу, в гараже, Крейг сердито уставился на пустую стоянку.

Джемпер Пейджа исчез!

Ворча от ярости, Крейг подошел к стойке с кислородными баллонами. Замок был не поврежден, и он вставил ключ. Крышка открылась, и показались баллоны — все они были расположены рядами, все еще подключенные к линиям подзарядки. Крейг, почти не веря своим глазам, стоял и смотрел на баллоны.

Все они были на месте. Это означало, что Пейдж стартовал в джампере с недостаточным количеством кислорода. Это означало, что человек умрет в раскаленной пустыне Меркурия. Он может сойти с ума, оставить свой джампер и уйти в пустыню, как безумный маньяк, как тот человек, которого они нашли возле Сумеречной Станции.

Крейг развернулся, отходя от резервуаров, и остановился, в голове у него крутились разные мысли. Не было никакого смысла

искать Пейджа. Этот чертов дурак, вероятно, уже был мертв. Чистое самоубийство, вот что это было. Чистое безумие. А ведь он его предупреждал!

А ему, Крейгу, нужно было работать. Что-то произошло там, в этом "искривлении пространства". Он должен был отбросить мучительные подозрения, которые роились в его голове. В некоторых вещах он должен был быть уверен. У него не было времени охотиться на человека, который уже был мертв, на проклятого идиота, совершившего самоубийство. Этот человек был сумасшедшим с самого начала. Любой, кто думал, что сможет поймать Свечу…

Крейг яростно закрыл один из кранов магистрали, завинтил вентиль бака, отсоединил муфту и снял бак со стойки. Бак был тяжелым. Он должен был быть тяжелым, чтобы выдерживать давление в двести атмосфер.

Когда он направился к джамперу, Матильда спустилась по трапу этажом выше и прошмыгнула у него между ног. Крейг споткнулся и чуть не упал, огромным усилием сохранив равновесие и обругал Матильду замысловатым выражением.

— Ме-е-а-а-у, — сказала Матильда как ни в чем не бывало.

В обращенной к солнцу стороне Меркурия есть что-то нереальное, аномалия, которую скорее ощущаешь, чем видишь.

Здесь Солнце в девять раз больше, чем видно с Земли, и термометр никогда не показывает температуру ниже шестисот пятидесяти градусов по Фаренгейту. В условиях этой ужасающей жары, сопровождаемой мощным солнечным излучением, люди вынуждены носить скафандры на фотоэлементах, ездить в автомобилях на фотоэлементах и жить в энергетическом центре, который сам по себе является немногим большим, чем один мощный фотоэлемент. Ведь электроэнергию можно утилизировать, в то время как тепло и радиацию часто утилизировать невозможно.

Здесь скалы и почва превратились в пыль под воздействием высокой температуры и радиации. Здесь горизонт близок, он всегда маячит прямо впереди, как вездесущая грань.

Но не это делает планету такой чужой. Скорее, это странное искажение линий, искажение, которое человек иногда думает, что видит, но никогда не бывает в этом уверен. Возможно, в основе этого чуждого ощущения лежит тот факт, что масса Солнца делает невозможной прямую линию, энергия, которая искривляет магнитные поля и изменяет саму структуру пространства.

Курт Крейг ощутил странность Меркурия, когда пролетал над пыльной равниной. Джампер пролетел через небольшую лужицу

расплавленного металла, разбрызгивая его шипящими струями. Лужица свинца или, может быть, олова.

Но Крейг едва обратил на это внимание. В подсознании бились тысячи не до конца сформировавшихся вопросов. Его глаза, обрамленные морщинками, щурились сквозь защитное стекло светофильтра, следя за следом, оставленным возвращающейся машиной Кнута. В кислородном баллоне тихонько шипел кислород и чирикал смеситель воздуха. Но в остальном было все тихо.

Вопль ужаса и растерянности разорвал тишину. Крейг резко остановил джампер, вскочил со своего места, рука метнулась к пистолету.

Из-под металлической койки, прикрученной к задней стенке кабины, выполз Растус, с выпученными глазами.

— Боже правый, — проревел он, — где я?

— Ты в джампере, в шестидесяти милях от центра, — огрызнулся Крейг. — Что я хочу знать, так это то, как, черт возьми, ты сюда попал.

Растус сглотнул и поднялся на колени. — Видите ли, дело было так, босс, — пробормотал он. — Я искал Матильду. Эта чертова кошка, она сводит меня с ума. Она постоянно забирается в холодильник. Я просто не могу ей доверять. Поэтому, когда она пропала…

Он с трудом поднялся на ноги, и в этот момент из его кармана выскользнула бутылка и разбилась вдребезги о металлический пол. Среди осколков растекалась бледно-янтарная жидкость.

Крейг посмотрел на осколки. — Значит, ты охотился за Матильдой, да?..

Растус плюхнулся на койку, обхватив голову руками. — Нет смысла врать вам, босс, — согласился он. — Это никогда не сходит мне с рук. Я хотел угоститься выпивкой. Только чуть-чуть. И заснул.

— Ты спрятал бутылку, которую стащил у Крипи, в джампере, — категорично заявил Крейг, — и напился до бесчувствия.

— Ничего не могу с собой поделать, — простонал Растус. — Черт меня дернул, старого дебила. Не могу оторваться от бутылки. Старина Меркурий — это он виноват. Дебильная планета. Все должно быть не так. Старое Доброе Солнце высасывает внутренности и швыряет их в космос. Изменяет вещи, пока они не перестают быть прежними…

Крейг кивнул, почти сочувственно. В этом-то и была вся прелесть. На Меркурии все было по-другому. Из-за огромной

массы Солнца свет был искривлен, пространство искривлено и постоянно угрожало измениться, что потребовало внесения изменений в основные физические законы. Сила притяжения двух магнитов не всегда будет одинаковой, притяжение между двумя электрическими зарядами изменяется. И хуже всего было то, что изменение, продержавшееся минуту, в следующую уже менялось.

— Куда мы теперь направляемся, босс?

— Мы отправляемся к искривлению пространства, которое обнаружил Кнут, — сказал Крейг. — И ни на минуту не думай, что я развернусь и отвезу тебя обратно. Ты сам во все это ввязался, не забудь.

Глаза Растуса быстро забегали, и он облизал губы. — Вы сказали "искривление", босс? Я правильно вас понял? Искривление?

Крейг не ответил. Он вернулся на свое место и снова запустил джампер.

Растус смотрел в один из боковых иллюминаторов.

— За нами следует Свеча, — объявил он. — Большой синий парень. Он все время скачет рядом с нами.

— В этом нет ничего интересного, — сказал Крейг. — Они часто следуют за нами. Целые стада.

— На этот раз только один, — сказал Растус. — Большой синий парень.

Крейг взглянул на обозначение местоположения искривления пространства. Оно было всего в нескольких милях отсюда. Они были почти у цели.

Когда он приблизился ничто не указывало на возможное искривление, хотя приборы зафиксировали его и нанесли на карту. Возможно, если бы человек встал под правильным углом, он смог бы заметить некое мерцание, некую странность, как если бы он смотрел в волнистое зеркало. Но в противном случае, вероятно, ничто не указывало бы на его присутствие. Трудно точно определить, где оно заканчивается или начинается. Трудно удержаться от того, чтобы не наткнуться на него, даже используя инструментов.

Курт поежился, подумав о космонавтах, которые в свое время попадали в такие же переделки. Отважные космические волки, которые отваживались сажать свои корабли на солнечной стороне, отваживались совершать короткие экскурсии в своих скафандрах старого образца. Большинство из них погибли, испепеленные излучением Солнца, буквально изжарившись заживо. Другие прошли через равнину и исчезли. Они вошли в искривления и исчезли, как будто растворились в воздухе. Хотя,

конечно, там не было воздуха, в котором можно было бы раствориться, — его не было уже много миллионов лет.

В этом мире все свободные элементы давным-давно исчезли. Те элементы, которые остались, за исключением, возможно, тех, которые скрывались глубоко под поверхностью, были так прочно связаны друг с другом, что было невозможно извлечь их в сколько-нибудь заметном количестве. Вот почему жидкий кислород доставлялся с Венеры в чистом виде.

Следы, оставленные машиной Кнута в пыли и щебне, были отчетливо видны, и Крейг пошел по ним. Джампер преодолел небольшой подъем и опустился в небольшую впадину. А в центре впадины странно переливались свет и тьма, как будто кто-то смотрелся в кривое зеркало.

Это было искривление пространства!

Крейг взглянул на приборы, и у него перехватило дыхание. Это было действительно большое искривление. Все еще следуя по следам машины Кнута, он спустился в ложбину, подбираясь все ближе и ближе к тому подвижному, почти невидимому пятну, которое обозначало искривление.

— Боже мой! — выдохнул Растус, и Крейг понял, что негр рядом, потому что почувствовал его дыхание на своей шее.

Вот тут машина Кнута остановилась, и Кнут вышел, чтобы поднести инструменты поближе, рубчатые следы подошв его скафандра были похожи на борозды на припорошенной почве. Вот он вернулся, остановился, и снова двинулся вперед. И вот…

Крейг рывком остановил джампер и с изумлением и ужасом уставился сквозь защитный светофильтр. Затем, задыхаясь, он вскочил с сиденья и лихорадочно схватился за скафандр.

Выйдя из машины, он приблизился к темной фигуре, скорчившейся на земле. Он медленно подошел ближе, чувствуя, как рука страха сжимает его сердце. Возле фигуры он остановился и посмотрел вниз. Жара и радиация сделали свое дело, сморщивая, растрескивая, иссушая — но сомнений быть не могло.

На него смотрело мертвое лицо Кнута Андерсона!

Крейг выпрямился и огляделся. На гребнях, кружась и сталкиваясь, танцевали Свечи и молчаливо наблюдали за его мрачным открытием. Одинокая голубая свеча, крупнее остальных, последовала за машиной в ложбину и расположилась всего в нескольких шагах от нее и беспокойно раскачивалась взад и вперед.

Кнут сказал, что что-то было забавным — он прокричал это хриплым голосом, искаженным мощным излучением. Или это был

не Кнут? Был ли Кнут уже мертв, когда пришло это сообщение?

Крейг оглянулся на песок, чувствуя, как кровь стучит у него в висках. Виноваты ли в этом Свечи? И если да, то почему он остался цел, когда сотни их танцевали на гребне?

И если это был Кнут, с мертвыми глазами, уставившимися в черноту космоса, то кто был тот, другой — тот, кто вернулся?

Свечи, маскирующиеся под людей? Возможно ли такое? Свечи были имитаторами, но вряд ли настолько хорошими. В их мимике всегда было что-то неправильное — что-то до смешного неправильное.

Теперь он вспомнил выражение глаз вернувшегося Кнута — тот холодный взгляд убийцы, который иногда можно увидеть в глазах безжалостных людей. От этого взгляда у него по спине побежали мурашки.

А Кнут, который не мог сравниться с Крипи в шашках, но считал себя таковым, потому что Крипи позволял ему иногда выигрывать, выиграл шесть партий подряд.

Крейг снова оглянулся на джампер и увидел испуганное лицо Растуса, прижавшееся к щитку светофильтра. Свечи все еще плясали на холмах, но большая синяя исчезла.

Какое-то едва уловимое предупреждение, неприятное ощущение между лопатками заставило Крейга повернуться лицом к искривлению. Прямо перед искривлением стоял человек, и на мгновение Крейг уставился на него, застыв, потеряв дар речи, не в силах пошевелиться.

Человек, стоявший перед ним на расстоянии не более сорока футов, был Курт Крейг.

Каждая черточка, каждая морщинка подтверждали, что это — второй Курт Крейг. Как будто он завернул за угол и встретил самого себя, возвращающегося обратно.

В мозгу Крейга пронеслось недоумение, сбивающее с толку недоумение. Он сделал быстрый шаг вперед, затем остановился. Ибо замешательство внезапно сменилось страхом, острым, как нож, ощущением опасности.

Человек поднял руку и поманил Крейга к себе, но тот остался стоять как вкопанный, пытаясь собраться с мыслями. Это было не отражение, потому что, если бы это было отражение, оно показало бы его в скафандре, а этот человек стоял без скафандра. И если бы это был настоящий человек, он бы не стоял там, подставленный под палящие лучи Солнца. Это означало бы верную и моментальную смерть.

В сорока футах от него — не более, возможно, еще ближе, сила искривления могла схватить любого человека, который пересек этот невидимый предел. Искривление двигалось со

скоростью несколько футов в час, и это место, где он сейчас стоял, с мертвым телом Кнута у своих ног, всего несколько часов назад находилось в пределах его действия.

Человек шагнул вперед, и как только он это сделал, Крейг отступил назад, его руки опустились на рукоятки пистолетов. Но, наполовину вытащив оружие, он остановился, потому что мужчина исчез. Просто испарился. Не было ни облачка дыма, ни предварительного мерцания, как при разрушении материи. Этого человека там просто-напросто не было. Но на его месте стояла большая синяя свеча, раскачивающаяся взад-вперед.

Холодный пот выступил на лбу Крейга и заструился по его лицу. Он понял, что был очень близок к смерти — возможно, к чему-то еще худшему, чем смерть. В бешенстве он развернулся, бросился к люку, рывком распахнул дверцу и бросился к пульту управления.

— В чем дело, босс? — заорал Растус.

— Мы должны вернуться в центр, — крикнул Крейг. — Старый Крипи остался там совсем один! Одному богу известно, что с ним может случиться.

— Но, босс, — завопил Растус, — в чем дело? Кто был там, на земле?

— Это был Кнут, — сказал Крейг.

— Но мистер Кнут вернулся в центр, босс. Я знаю. Я видел его собственными глазами.

— Кнута нет в центре, — отрезал Крейг. — Кнут умер там, в искривлении. То, что находится в центре, — это Свеча, маскирующаяся под Кнута!

Крейг гнал машину как сумасшедший, чувствуя, как в него вонзаются холодные когти страха.

Дважды он чуть не попал в беду: один раз, когда джампер попал в облако пыли, а второй раз, когда он пролетел через лужу расплавленного олова.

— Но эти свечи на такое не способны, — возразил Растус. — Они ничего не могут сделать правильно. Каждый раз, когда они пытаются быть чем-то конкретным, у них всегда получается неправильно.

— Откуда ты это знаешь? — огрызнулся Крейг. — Откуда ты знаешь, что они не смогли бы, если бы попытались? А если бы они могли и захотели использовать это против нас, как ты думаешь, они позволили бы нам увидеть, как они это делают? На протяжении всех этих лет они делали все возможное, чтобы заставить нас ослабить бдительность. Они пытались заставить нас

поверить, что они всего лишь банда добродушных клоунов. Это, мой мальчик, психология "супер плюс".

— Но почему? — спросил Растус. — Зачем им это делать? Мы никогда не причиняли им вреда.

— Спроси меня о чем-нибудь другом, — мрачно сказал Крейг. — Лучший ответ — мы их не знаем. У них может быть дюжина причин, которых мы не можем понять. Причин, которые не смог бы понять ни один человек, потому что они не соответствуют тому, что мы знаем.

Крейг с силой вцепился в руль и рванул джампер вверх по скользкому от пыли склону.

Черт возьми, существо, которое вернулось как Кнут, *было* Кнутом. Оно знало то, что знал Кнут, и вело себя как Кнут. У него были его манеры, он говорил его голосом, казалось, он действительно думал так, как думал бы Кнут.

Что мог человек — что могло человечество — сделать против такой штуки? Как оно могло отличить оригинал от дубликата? Как оно могло узнать — кто есть кто?

Существо, вернувшееся в Центр, обыграло Крипи в шашки. Крипи заставил Кнута поверить, что он равен старику в игре, хотя Крипи знал, что может победить Кнута в любой момент, когда пожелает. Но Кнут этого не знал — и существо, маскирующееся под Кнута, этого не знало. Так что он сел и выиграл у Крипи шесть партий подряд, к ужасу и смятению старика.

Это что-нибудь значило или нет?

Крейг застонал и попытался выжать из джампера еще немного скорости.

— Это была та самая синяя Свеча? — спросил Растус. — Она плавала вокруг, а потом исчезла.

Крейг кивнул. — Она была в искривлении. Очевидно, Свечи способны изменять свою электронную структуру, чтобы существовать в искривлении. Они заманили Кнута в искривление, выдавая себя за людей, возбудив его любопытство, и когда он попал под их влияние, это открыло путь для их нападения. Видите ли, они не могут добраться до нас внутри скафандра, потому что скафандр — это фотоэлемент, а они — энергия, и в такой игре всегда выигрывает энергетическая ячейка.

— Именно это они и пытались сделать со мной. Одному богу известно, что бы сделало искривление, если бы я в него вошел, но, несомненно, это сделало бы меня уязвимым в четвертом измерении или каким-то другим способом. Это было бы все, что им нужно.

Взгляд Растуса упал на осколки стекла, валявшиеся на полу возле койки. — Как бы я хотел пропустить глоточек, — посетовал

он. — Как бы мне не помешало немного взбодриться.

— Это было умно с их стороны, — сказал Крейг. — Метод "Троянского коня". Сначала они схватили Кнута, а затем попытались добраться до меня, и с двумя из них в центре было бы не так сложно добраться до тебя и Крипи.

Он сильно ударил по рулю, давая выход своему гневу.

— И вся прелесть этого была в том, что никто бы об этом не узнал. Кислородный корабль мог прилететь с Венеры, и люди на борту ничего бы не узнали, потому что они бы столкнулись с существами, похожими на нас четверых. Никто бы не догадался. У них было бы время — много времени — чтобы сделать все, что они запланировали.

— Как вы думаете, что они собирались сделать, босс? — поинтересовался Растус. — Может, они хотели взорвать станцию?

— Я не знаю, Растус. Откуда мне знать? Если бы они были людьми, я мог бы сделать предположение, потому что я мог бы поставить себя на их место и попытаться мыслить так, как они. Но со Свечами ничего не получится. Мы ничего не сможем сделать со Свечами, потому что мы не знаем, что это такое.

— Хотите устроить им ад, босс?

— Как? — огрызнулся Крейг.

— Просто дайте мне бритву, — обрадовался Растус. — Может быть, две бритвы, по одной в каждую руку. Я могущественный и опасный человек с бритвенным лезвием.

— Для этого потребуется нечто большее, чем бритвы, — сказал Крейг. — Это не просто наши энергетические пистолеты, потому что эти штуки и есть энергия. Мы могли бы обрушить на них все, что у нас было, а они бы просто смаковали это, смеялись над нами и просили добавки.

Он заскользил на джампере по склону оврага, пересекая пустыню.

— Первым делом, — заявил он, — нужно найти того, кто выдает себя за Кнута. Найти его, а затем решить, что с ним делать.

Но найти Свечу-Кнута — про это было легче сказать, чем это сделать. Крейг, Крипи и Растус, одетые в скафандры, стояли в центре кухни.

— Ей-богу, — сказал Крипи, — он должен быть где-то здесь. Должно быть, он нашел для него какое-то особенное укрытие, которое мы проглядели.

Крейг покачал головой. — Мы не упустили его из виду, Крипи. Мы обыскали все от носа до кормы. Здесь нет ни единой щели, где он мог бы спрятаться.

— Может быть, — предположил Крипи, — он понял, что дело сделано, и пустился наутек. Может быть, он взломал замок, когда я был наверху и охранял диспетчерскую.

— Возможно, — согласился Крейг. — Я думал об этом. Он разбил рацию — это то, что мы знаем. Он боялся, что мы можем позвать на помощь, а это значит, что у него, возможно, был план. И сейчас он, возможно, осуществляет этот план.

В Центре царила тишина, наполненная теми тихими звуками, которые только подчеркивают и углубляют тишину. Слабое щелканье приборов этажом ниже, шипение и отдаленное фырканье смесителя атмосферы, журчание синтезатора воды.

— Черт бы его побрал, — фыркнул Крипи, — я знал, что он не сможет. Я знал, что Кнут не сможет честно обыграть меня в шашки…

Из холодильника донесся неистовый вопль. “Мии-яу — ми-яу-яу-яу!”.

Растус, схватив веник, метнулся к холодильнику. — Это опять Матильда, — прокричал он. — Она всегда прокрадывается незаметно. Стоит мне отвернуться.

Он взмахнул метлой и обратился к двери. — Ну погоди. Уж я тебя обработаю. Так метлой отштукатурю…

Но Крейг бросился вперед и оторвал руку негра от ручки двери холодильника. — Подожди! — закричал он.

Матильда жалобно запищала.

— Но, босс, эта кошка Матильда…

— Может, это и не Матильда, — мрачно процедил Крейг.

Из-за двери, ведущей в коридор, донеслось низкое урчание. Трое мужчин резко обернулись. На пороге стояла Матильда и, выгнув спину, терлась о косяк, задрав распушенный хвост. Из холодильника донесся вопль дикой кошачьей ярости.

Растус вытаращил глаза, а метла с грохотом упала на пол. — Но, босс, — взвизгнул он, у нас только одна Матильда!

— Конечно, у нас только одна Матильда, — огрызнулся Крейг. — Одна из них — это Матильда. Другая — Кнут, или то, что было Кнутом.

Пронзительно зазвенел сигнал блокировки, и Крейг быстро подошел к иллюминатору и отдернул шторку.

— Это Пейдж, — крикнул он. — Пейдж снова вернулся!

Он отвернулся от иллюминатора, лицо его исказилось от недоверия. Пейдж отключился пять часов назад — без кислорода. И все же он был здесь, снова вернулся. Ни один человек не смог бы прожить больше четырех часов без кислорода.

Взгляд Крейга посуровел, а между бровями залегли морщинки.

— Крипи, — внезапно сказал он, — ты открываешь внутренний шлюз. Ты, Растус, возьми эту кошку. Не дай ей уйти.

Растус попятился, широко раскрыв глаза от ужаса.

— Возьми ее, — резко приказал Крейг. — И держи ее крепче.

— Но, босс, она…

— Возьми ее, я сказал!

Крипи, шаркая, спускался по трапу к шлюзу. Растус медленно двинулся вперед, неуклюже наклонился и подхватил Матильду на руки.

Матильда громко замурлыкала, обхватив его облаченные в скафандр пальцы изящными лапками.

Пейдж вылез из джампера и направился через гараж к Крейгу, стуча каблуками по полу.

Крейг сердито посмотрел на него из-под козырька скафандра. — Вы нарушили мой приказ, — рявкнул он. — Вы вышли и собрали несколько свечей.

— Ничего страшного, капитан Крейг, — сказал Пейдж. — Послушные, как котята. Из них получатся замечательные домашние животные.

Он резко свистнул, и из открытой дверцы джампера выкатились три свечи: красная, зеленая и желтая. Выстроившись в ряд, они лежали прямо за джампером, перекатываясь взад-вперед.

Крейг оценивающе оглядел их.

— Милые маленькие дьяволята, — добродушно заметил Пейдж.

— И как раз то, что нужно, — сказал Крейг.

Пейдж вздрогнул, но быстро взял себя в руки. — Да, я тоже так думаю. Я, конечно, научу их танцевать, но, полагаю, реакция публики разнесет все к чертям собачьим, как только они выйдут на сцену.

Крейг подошел к стойке с кислородными баллонами и откинул крышку.

— Есть только одна вещь, которую я не могу понять, — сказал он. — Я предупреждал вас, что вы не сможете открыть крышку стойки. И я предупреждал вас, что без кислорода вы умрете. И все же вы здесь.

Пейдж рассмеялся. — У меня было припрятано немного кислорода, капитан. Я ожидал чего-то подобного.

Крейг снял один из баллонов со стойки и подержал его в руках. — Вы лжец, Пейдж, — спокойно сказал он. — У вас не было другого кислорода. Вам это было не нужно. Человек умер бы, если бы оказался там без кислорода, — умер бы ужасной смертью. Но с вами этого не случилось, потому что вы не человек!

Пейдж быстро отступил назад, но Крейг предостерегающе вскрикнул. Пейдж остановился, как вкопанный, не сводя глаз с кислородного баллона. Палец Крейга коснулся кнопки управления клапаном.

— Одно ваше движение, — мрачно предупредил он, — и я открою клапан. Вы, конечно, знаете, что это такое. Жидкий кислород, давление двести атмосфер. Холоднее, чем космос.

Крейг свирепо ухмыльнулся. — Такая доза может плохо сказаться на вашем метаболизме, не так ли? Достаточно сильная, чтобы подействовать здесь, под куполом. Вы, Свечи, слишком долго прожили на поверхности. Вам нужно много энергии, а здесь ее не так много. Мы должны изолировать себя от нее, иначе мы сами умрем. А в жидком кислороде энергии на порядок меньше. Вы находитесь в своей собственной среде, все в порядке; вы даже распространяете эту среду довольно широко, но всему есть предел.

— Вы бы говорили по-другому, — с горечью заявил Пейдж, — если бы не эти скафандры.

— Они как-то сбили вас с толку, не так ли? — спросил Крейг. — Мы надели их, потому что искали вашего приятеля. Я думаю, он в холодильнике.

— Мой приятель — в холодильнике?

— Это он вернулся в образе Кнута, — сказал Крейг, — и превратился в Матильду, когда узнал, что мы за ним охотимся. Но он слишком хорошо справился со своей работой. Он был даже больше Матильдой, чем Кнутом. Поэтому он залез в холодильник. И ему это не понравилось.

Плечи Пейджа поникли. На мгновение черты его лица, казалось, расплылись, но затем снова стали четкими.

— Ответ в том, что вы слишком хорошо справляетесь со своей работой, — сказал Крейг. — Сейчас вы сами больше Пейдж, чем Свеча, больше человек, чем сгусток энергии.

— Нам не следовало этого делать, — сказал Пейдж. — Нам следовало подождать, пока на ваше место не придет кто-нибудь другой. Вы были слишком точны в своем мнении о нас. В вас не было того насмешливого презрения, с которым относились к нам многие другие. Я сказал им, что им следует подождать, но человек по имени Пейдж попал в искривление…

Крейг кивнул. — Я понимаю. Возможность, которую вы просто не могли упустить. Обычно до нас довольно трудно добраться. Вы не можете бороться с фотоэлементами. Но вам следует постараться придумать более убедительные истории. Эта ваша байка о ловле Свечей…

— Но Пейдж появился именно с этой целью, — настаивал

псевдо-Пейдж. — Конечно, он потерпел бы неудачу. Но, в конце концов, это была литературная правда.

— Это было умно с вашей стороны, — мягко сказал Крейг. — Умнее, чем вы думаете. Притащили сюда своих ребят, притворились, что поймали их, и ждали, пока мы не потеряем бдительность.

— Послушайте, — сказал Пейдж, — мы понимаем, что проиграли. Что вы собираетесь делать дальше?

— Сначала освободим того, кто в холодильнике, — сказал ему Крейг. — Затем откроем замки, и вы сможете уйти.

— А если мы не захотим уходить?

— Мы пустим сюда жидкий кислород, — сказал Крейг. — У нас наверху есть емкости с этим веществом. Мы можем закрыть эту комнату, знаете ли, и превратить ее в настоящий ад. Вы бы этого не пережили. Вам бы не хватало энергии.

Из кухни донесся отвратительный звук, похожий на скрежет колючей проволоки, которую тащат по жестяной крыше. В этом бедламе слышались визги и завывания Растуса.

Крипи, стоявший у шлюза, двинулся было вперед, но Крейг, не сводя глаз с Пейджа, махнул ему, чтобы он возвращался.

По трапу из кухни спустился клубящийся меховой шар, а за ним — Растус, энергично размахивающий метлой. Комок шерсти разделился, превратившись в двух одинаковых кошек, с хвостами в пять раз больше обычного, ощетинившимися спинами и горящими зеленой яростью глазами.

— Босс, я просто устал держать Матильду на руках, — пропыхтел Растус.

— Я знаю, — сказал Крейг. — Значит, ты засунул ее в холодильник к другой кошке.

— Я так и сделал, — признался Растус, — и ад разверзся прямо у меня под носом.

— Ладно, — отрезал Крейг. — А теперь, Пейдж, если вы скажете нам, который из них ваш…

Пейдж что-то резко произнес, и одна из кошек растаяла. Ее очертания расплылись, и она превратилась в Свечу, крошечную бледно-розовую свечку.

Матильда издала душераздирающий вопль и убежала.

— Пейдж, — сказал Крейг, — мы никогда не хотели неприятностей. Если вы согласны, мы хотели бы стать вашими друзьями. Разве нет другого выхода?

Пейдж покачал головой. — Нет, капитан. Мы разные существа. Мы с вами разговаривали здесь, но мы говорили как мужчина с мужчиной, а не как мужчина и представитель моей

расы. Наши различия слишком велики, наши взгляды слишком далеки друг от друга.

Он колебался, почти заикаясь. — Вы молодец, Крейг. Вы должны были стать Свечой.

— Крипи, — сказал Крейг, — открой замок.

Пейдж повернулся, чтобы уйти, но Крейг окликнул его. — Еще кое-что. Хочу попросить вас о личном одолжении. Не могли бы вы рассказать мне, в чем причина всего этого?

— Это трудно объяснить, — сказал Пейдж. — Видите ли, друг мой, это вопрос культуры. Это не совсем то слово, но оно наиболее точно соответствует тому, что я могу выразить на вашем языке.

— До того, как вы появились, у нас была культура, образ жизни, образ мыслей, которые были явно нашими собственными. Мы развивались не так, как вы, мы пропустили эту примитивную, предварительную цивилизацию, через которую вы проходите. Мы начали с точки, которой вы не достигнете еще миллион лет. У нас была цель, идеал, место, к которому мы стремились. И мы добивались прогресса. Я не могу это объяснить, потому что… ну, для этого просто нет слов. А потом появились вы…

— Я думаю, что знаю, — сказал Крейг. — Мы беспокоим вас. Мы разрушили вашу культуру, ваш образ мыслей. Наши мысли вторгаются в вас, и вы видите, как ваша цивилизация превращается в сборище подражателей, впитывающих чуждые идеи, чуждый образ жизни. — Он уставился на Пейджа. — Но разве нет другого выхода? Черт возьми, неужели нам обязательно ссориться из-за этого?

Но, даже произнося эти слова, он понимал, что выхода нет. Долгая история Земли насчитывает сотни войн, подобных этой, — войн, которые велись из-за форм веры, из-за терминологии религии, из-за идеологий, из-за культур. И те, кто сражался в этих войнах, были представителями одной и той же расы, а не двух рас, разделенных разным происхождением, разным метаболизмом, разными умами.

— Нет, — сказал он, — это невозможно. Возможно, когда-нибудь нас не станет. Когда-нибудь мы найдем другой, более дешевый источник энергии, и вас оставят в покое. А пока… — Он не договорил.

Пейдж повернулся и направился к шлюзу, сопровождаемый тремя большими свечами и маленькой розовой.

Стоя в ряд у иллюминатора, трое землян наблюдали, как Свечи выходят из шлюза. Пейдж все еще был в форме человека, но, когда он отошел от станции, его форма изменилась и он превратился в шар.

Крипи захихикал у локтя Крейга. — Ей-богу, — взвизгнул он, — это пурпурный!

Крейг сидел за своим столом и писал отчет для управления солнечной энергетики, быстро водя ручкой по бумаге:

…они ожидали пятьсот лет, прежде чем начали действовать. Возможно, это была простая предосторожность или надежда, что они найдут лучший способ. А может быть, время для них имеет иную ценность, чем для нас. В существовании, которое тянется до бесконечности, время имело бы очень малое значение.

Все эти пятьсот лет они наблюдали и изучали нас. Они читали наши мысли, впитывали их в себя, извлекали наши знания, изучали наши характеры. Возможно, они знают нас лучше, чем мы сами знаем себя. Является ли их грубая имитация наших мыслей просто хитроумной уловкой, чтобы заставить нас думать, что они безвредны, или же это отражает разную степень искусства мимикрии — разницу между карикатурой и шедевром живописи, — я не могу сказать. Я не могу даже предположить.

До сих пор мы никогда не задумывались о том, чтобы защититься от них, поскольку считали их, в общем-то, забавными существами и не более того. Кем была кошка в холодильнике — Свечой или Матильдой, я не знаю, но именно кошка в холодильнике натолкнула меня на мысль использовать жидкий кислород. Несомненно, есть способы получше. Подойдет все, что может быстро лишить их энергии. Убежден, что они попытаются снова, даже если им придется ждать еще пятьсот лет, я настоятельно рекомендую…

Он остановился и отложил ручку.

Снизу, из кухни, доносилось негромкое позвякивание кастрюль и сковородок — Растус готовил ужин. По пандусу поплыли немузыкальные звуки — обрывки песни, перемежаемые звоном посуды:

Цыпленок — на сковороде,
Замешиваем тесто…

Корзина для мусора в углу слегка сдвинулась, и Матильда выскользнула наружу, поджав хвост. Бросив на Крейга презрительный взгляд, она направилась к двери и спустилась по трапу.

Крипи настраивал свою скрипку, но без особого энтузиазма. Крипи переживал из-за Кнута. Несмотря на их разногласия по поводу шашек, они были хорошими друзьями.

Крейг размышлял о том, что ему предстоит сделать. Он должен был бы отправиться за телом Кнута и отправить его обратно на Землю для погребения. Но сначала он собирался поспать. Господи, как же ему нужно было выспаться!

Он взял ручку и продолжил писать:

…все усилия направить на разработку какого-нибудь удобного оружия, которое можно было бы использовать против них. Но использовать только в целях обороны. Программа уничтожения, подобная той, что была осуществлена на других планетах, немыслима.

Для этого нам необходимо изучить их так же, как они изучили нас. Прежде чем мы сможем сражаться с ними, мы должны их узнать. В следующий раз их метод нападения, несомненно, будет другим.

Точно так же мы должны разработать тест, который будет применяться к каждому человеку перед входом в Центр, и который покажет, является ли он Свечой или человеком.

И, наконец, следует приложить все усилия, чтобы создать какой-нибудь другой источник универсальной энергии на тот случай, если Меркурий станет для нас недоступен.

Он перечитал отчет и отложил его.

— Им это не понравится, — сказал он себе. — Особенно последний абзац. Но мы должны смотреть правде в глаза.

Голос Растуса стал пронзительным. — Ах ты… Матильда, убирайся оттуда! Я не успел повернуться к тебе спиной, как ты уже в холодильнике…

Раздался глухой удар метлы.

Из диспетчерской не доносилось ни звука. Крипи, очевидно, убрал свою скрипку. Вероятно, у него не хватило духу сыграть на ней.

Крейг долго сидел за своим столом, размышляя. Затем он встал и направился к иллюминатору.

Снаружи, на суровых равнинах Меркурия, Свечи разделились на пары, два и два превратились в чудовищные игральные кости, катящиеся в пыли. Насколько хватало глаз, равнины были заполнены скачущими кубиками.

И каждая пара при каждом броске выпадала семерками!

Конец.